

Об особенностях ойконимического переименования (на материале белорусской ойконимии XX в.)

Для ойконимии Белоруссии XX в. характерны процессы переименования, вызванные сменой государственного строя и становлением новой идеологии после событий 1917 г. На явление реноминации в белорусской ойконимии обращали внимание в своих исследованиях Э. К. Бирилло, В. П. Лемтюгова, Л. М. Лыч, А. М. Мезенко, В. В. Шур и др. Новые онимы, по их наблюдениям, образовывались с нарушением норм белорусского языка и использованием большого количества русских апеллятивов. Особенно интенсивно процессы переименования протекали в 1930-е и 1960-е гг.: именно в эти годы традиционные названия населенных пунктов массово заменялись на ойконимы, соответствующие требованиям советского узуса.

Вопрос о возвращении части старых названий в топонимическую систему страны регулярно ставится в обществе, о чем свидетельствуют статьи в белорусских периодических изданиях.

По мнению Е. М. Поспелова, процесс переименования мотивирован стремлением заменить название, связанное с прежними реалиями, на новое, отражающее идеологические стереотипы [Поспелов, 1990, 54]. В Белоруссии XX в. около 900 населенных пунктов было переименовано: большинство новых названий было образовано от апеллятивов, обозначающих коммунистические идеологемы. Они называли символы и идеалы того времени (н. п. *Большавік*, н. п. *Камсамольская*), праздники (н. п. *Першамайскі*), увековечивали память политических и государственных деятелей (н. п. *Леніна*, н. п. *Свярдлова*) и др. В то же время заменялись те ойконимы, которые казались оскорбительными, неблагозвучными (*Халуі*, *Кабаны*) или непонятными (*Вурада*, *Мачулы*), соотносились с этнонимами (*Жыдаўка*), напоминали о религии (*Папоўка*), привилегированных классах (*Князі*, *Каралі*), реалиях прежней жизни (*Маёнтак*, *Ліхтэрня*) и др.

Около 6 % замененных ойконимов содержат топоосновы, которые соотносятся с географическими терминами, указывающими на особенности местности. Например, название н. п. *Іван Бор*, созданное на базе апеллятива *бор* 'хвойный лес, который растет на высоком месте' [СБГ–Мацкевіч, 1, 206], было в 1939 г. заменено на русскоязычное словосочетание *Красны Акцябр*, отражающее революционные события 1917 г. Населенный пункт *Чорная Лаза*, название которого образовано от *лаза* 'заросли *Salix viminalis* L. i *Salix fragilis* L.; лозовые места' [Яшкін, 2005, 390], в 1939 г. был переименован в *Чырвоны Усход*, что символизировало новый образ жизни. Ойконимы-ориентиры *Залясок* (с 1976 г. *Перадавы*), *Залессе* (с 1955 г. *Бумажкова*), возникшие на основе апеллятива *залессе* 'местность за лесом, по ту сторону леса' [Яшкін, 2005, 395], заменили на ойконимы-символы. В первом случае апеллятив называет идеологический стереотип (н. п. *Перадавы* < *передовой* 'такой, который находится впереди остальных'); во втором – увековечивает имя Героя Советского Союза Т. П. Бумажкова.

Название н. п. *Крыница* образовано от гидрографического термина *крыница* 'поток воды, который бьет из-под земли, подземная вода, которая выходит на поверхность' [Яшкін, 2005, 371]. Этот ойконим в 1930 г. был заменен на *Новы*, символизирующий революционные преобразования новой эпохи (хотя традиционно компонент *новы* в составе топонимической единицы указывал на время возникновения населенного пункта). Ойконим-ориентир *Забалацце* мотивирован номенклатурным термином *балота* 'низинное пространство, заполненное водой' [Толстой, 1969, 144], *забалацце* 'то, что находится за болотом' [Яшкін, 2005, 267]. В 1964 г. населенный пункт переименовали в *Заслонаўка* – в честь Героя Советского Союза, одного из руководителей партизанского движения в Белоруссии К. С. Заслонова. Название населенного пункта *Качай-Балота*, образованное от географического термина *качай-балота* 'трясина, топкое болото с растительностью на поверхности' [Там же, 352], в 1962 г. было заменено на идеологически окрашенный оним *Рассвет* (бел. *золак*). В современной ойконимии Белоруссии топооснова *качай-балота* не встречается.

Таким образом, часть ойконимов, утраченных в XX в. в результате переименований, указывала на местонахождение объекта в пространстве и физико-географические особенности местности. Думается, что большая часть этих единиц может быть возвращена в ойконимическое пространство Белоруссии.

Поспелов Е. М. Переименование городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М., 1990. С. 54–73.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

Е. С. Коган
Екатеринбург

К вопросу о региональной специфике фразеологии

Фразеология считается одной из наиболее национально-самобытных областей языка. Специфика фразеологических единиц часто обусловлена экстралингвистическими факторами, влияющими на их образность. Исходя из этого, особый интерес представляет контрастивное изучение фразеологии разных народов.

Поскольку образность зависит от внешних условий, в том числе от географической «привязки», интерес представляет также и исследование фразеологической системы русского языка в зависимости от региона. Можно предложить рабочую гипотезу, согласно которой образность фразеологии имеет региональные особенности.

В данном докладе предлагается пробный вариант решения проблемы. Материалом послужили фразеологизмы, характеризующие злого/рассерженного человека в русских говорах на территории Восточной Сибири и Республики Коми (использованы данные фразеологических словарей данных территорий) и в языках, контактных для каждой зоны, – соответственно якутском и коми.

Выделяются следующие модели характеристики злого человека и злости как негативного состояния.